

ЖИЗНЬ ПУШКИНА,

РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ
И ЕГО СОВРЕМЕННОКАМИ

**Коллектив авторов
Виктор Кунин
Жизнь Пушкина,
рассказанная им самим
и его современниками**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71195560
ISBN 978-5-17-164158-0*

Аннотация

Понятие «Жизнь Пушкина» несравненно шире одной лишь бытовой биографии поэта. Это жизнь его творческого гения и жизнь страны и народа в его эпоху. Систематическая работа пушкинистов разных поколений постепенно выявляла различные пласты документальных свидетельств, связанных с судьбою Пушкина. «История пушкиноведения еще не написана, – справедливо отмечал знаток русской поэзии И.Н. Розанов. – А это прежде всего история постепенного опубликования пушкинского литературного наследства и тем самым раскрытие борьбы величайшего русского поэта с царизмом. Это история длительной борьбы за подлинного Пушкина». Добавим – еще и история исследования добытых источников. Всевозможные документы, связанные с жизнью Пушкина, публиковались постепенно в самых различных изданиях.

Цель предлагаемого сборника – собрать вместе хотя бы часть разрозненных официальных, эпистолярных, мемуарных свидетельств и, объединив их с автобиографическими строками великого поэта, сделать доступными самому массовому читателю.

Содержание

От составителя	5
Глава первая. 1799–1811	13
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками

От составителя

Понятие «Жизнь Пушкина» несравненно шире одной лишь бытовой биографии поэта. Это жизнь его творческого гения и жизнь страны и народа в его эпоху. Систематическая работа пушкинистов разных поколений постепенно выявляла различные пласты документальных свидетельств, связанных с судьбою Пушкина. «История пушкиноведения еще не написана, – справедливо отмечал знаток русской поэзии И. Н. Розанов. – А это прежде всего история постепенного опубликования пушкинского литературного наследства и тем самым раскрытие борьбы величайшего русского поэта с царизмом. Это история длительной борьбы за подлинного Пушкина». Добавим – еще и история исследования добытых источников. Всевозможные документы, связанные с жизнью Пушкина, публиковались постепенно в самых различных изданиях. Цель предлагаемого сборника – собрать вместе хотя бы часть разрозненных официальных, эпистолярных, мемуарных свидетельств и, объединив их с автобиографиче-

скими строками великого поэта, сделать доступными самому массовому читателю.

С первых лет своего вступления на литературную стезю Пушкин в разнообразных формах и жанрах, так или иначе стремясь «остановить время», писал мемуары. В 1819 г. он сказал:

*Но сердце... тихим сном
В минувшем любит забываться.*

И тогда же:

*Воспоминание, рисуй передо мной
Вошебные места, где я живу душой...*

В 1821 г. Пушкин выразил ту же мысль глубже и полнее:

*В беспечных радостях, в живом очарованье,
О дни весны моей, вы скоро утекли.
Теките медленней в моем воспоминанье.*

В 1824 г. в «Отрывке из письма к Д.» Пушкин, как один он умел, дал тончайшее определение – близкое авторам и читателям всех времен: «...воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано все, что подвластно ему».

Трижды принимался Пушкин за свои записки, которые, не будь они в 1825–1826 гг., после восстания декабристов,

уничтожены автором, стали бы для нас всех теперь бесценным автобиографическим кладом. В 1834 г. он вспоминал: «В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв. Не могу не сожалеть об их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства».

Но все же поэт рассказал нам свою жизнь: она в его письмах и дневниковых записях, статьях и прозе, драмах, поэмах и стихотворениях. Здесь, однако, нужно сделать оговорку: неблагодарная работа – вычитывать из стихов Пушкина конкретные биографические сведения о нем. Каждая строка отражает душевное волнение поэта, но поэтические его создания не могут приравняться к прямому биографическому свидетельству. В стихах, конечно же, таится жизнь Пушкина, но в них ведь и жизнь каждого читателя. Многочисленные стихотворные произведения включаются нами в документальный монтаж вовсе не с целью прямого их биографического толкования. Только в контексте писем и всех иных материалов они помогают воссоздать личную биографию поэта. Это нисколько не противоречит тому факту, что поэтические строки Пушкина, рожденные конкретными впечатлениями бытия, поразительно точны в деталях.¹

¹ Он сам признался в этом устами своего любимого героя – Андрея Шенье: «...».

Работая над «Записками» и другими биографическими сочинениями, Пушкин неизменно соединял свою жизнь и семейные предания с историей страны. Например, в первой программе записок лаконичная заметка «Смерть Екатерины. Рождение Ольги» означает кончину Екатерины II и появление на свет сестры Пушкина. А далее следует запись еще короче: *1812 год*. За этим стоит огромная тема Отечественной войны и патриотизма, глубоко волновавшая Пушкина. Два величайших события пушкинской эпохи: война 1812 года и восстание декабристов занимают особенно важное место в размышлениях и творчестве поэта. Понятия «Пушкин – человек», «Пушкин – гражданин и патриот», «Пушкин – великий писатель» предстают в нерасторжимом единстве. Отделить одно от другого и третьего невозможно. Подобные попытки в прошлом кончались бесплодно.

В каждый период своей необычайно насыщенной творческой жизни Пушкин неизменно обращался мыслью к периодам предыдущим, создавая как бы своеобразную единую автобиографическую и историческую книгу. Именно поэтому во многих главах двухтомника рядом с произведениями, написанными в указанное в названии время, помещаются и пушкинские воспоминания об этом периоде, относящиеся к последующим годам. Так, воспоминания об Отечественной войне 1812 года собраны в гл. 2 – Пушкин возвращался

к этому событию вплоть до последних месяцев жизни; все, что связано с Лицеем, читатель найдет во 2-й и 3-й главах, с южной ссылкой – в 5–7-й главах и т. д.

Хотя настоящий двухтомник самостоятелен по отношению к «Друзьям Пушкина» (Т. 1–2, М., «Правда», 1984, 1985), однако обе книги составляют все же некоторое внутреннее единство. Естественно, что материалы о дружеском окружении Пушкина в «Жизнь, рассказанную им самим и его современниками» не вошли, равно как и документальные портреты ближайших друзей Пушкина. Бóльшее внимание уделено тем, кто отсутствовал в «Друзьях Пушкина»: родителям поэта; лицейским наставникам; Н. И. Тургеневу; В. Ф. Раевскому; Е. К. и М. С. Воронцовым и другим. Некоторые повторения (в основном писем Пушкина и его друзей) все же оказались неизбежными. Нужно ли говорить, что предлагаемый двухтомник ни в коей мере не может заменить полную монографическую биографию великого поэта. Здесь лишь собраны – далеко не полно – документы и материалы, которые, хочется надеяться, послужат для нашего многотысячного читателя-пушкиниста, чья квалификация за последние десятилетия необычайно возросла, подспорьем при изучении Пушкина. Само собою, при подготовке сборника имелось в виду, что основные вехи жизни Пушкина в общих чертах известны читателю со школьной скамьи. Первый том охватывает 1799–1826 гг., второй – 1827–1835 гг. Документы, связанные с последним годом жизни и гибелью поэта,

предполагается включить в отдельную книгу.

Об огромных, до конца не преодолимых трудностях воссоздания образа Пушкина хорошо сказал советский поэт Леонид Мартынов. В его стихах – та самая шутка, в которой велика доля правды:

*Никто –
И этим я не удивлен –
Не написал о Пушкине романа
Или трагедии, настолько он
Велик и простота его обманна,
И ни на чьих страницах не восстать
Ему до срока, не пойму какого.
Наверно, надо Лермонтовым стать,
Чтоб написать о Пушкине толково.*

Но каждое поколение пишущих и читающих о Пушкине открывает для себя все новое и новое в его созданиях и в самой его судьбе. В. Г. Белинский писал об этом: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение и, как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за ней эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего».

Каждая хронологическая подборка в двухтомнике предваряется очерком, цель которого — напомнить о главных событиях соответствующего периода в жизни Пушкина, а также ввести дополнительные документы, не уместившиеся в рамки монтажа. Большая часть писем, мемуаров и т. д. дана во фрагментах; в каждом случае это не оговаривается. Номерам в подборках соответствуют номера кратких примечаний.

Назовем здесь основные общебиографические и справочные работы, без которых невозможно было подготовить двухтомник.

Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1856; 1873 (переизд. — 1984; факсимильное воспроизведение: М., 1985).

Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874.

Пушкин. Письма. 1815–1833. Т. I, II. Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. М. — Л., 1926–1928; Т. III. Под ред. и с прим. Л. Б. Модзалевского. М. — Л., 1935.

Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969.

Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М. — Л., 1935.

Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Т. 1–2. М., 1936. Изд. 6-

е. (переиздание 2-го тома: М., 1985).

Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества Пушкина. Т. I. М., 1951.

Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1–2. М., 1974 (переиздание: М., 1984).

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1974.

Переписка А. С. Пушкина. Т. 1–2. М., 1982.

Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. I – П. М. – Л., 1956–1961.

Бродский Н. Л. А. С. Пушкин. Биография. М., 1937.

Гроссман Л. П. Пушкин (Жизнь замечательных людей). Изд. 3-е. М., 1960.

Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1982.

Временник Пушкинской комиссии. 1962–1982 (1–20). Л., 1963–1986.

В примечаниях указана основная литература, использованная в каждой главе.

Все тексты Пушкина в документальных подборках приводятся по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание 4-е. Л., 1977–1979.

Составитель признателен Государственному музею А. С. Пушкина, помогавшему в подборе иллюстраций и библиографическом оснащении книги, а также собирателю-пушкинисту И. И. Потоцкому, предоставившему для работы над двухтомником свою прекрасно подобранную коллекцию.

Глава первая. 1799–1811

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу.
Любовь к родному Пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.*

1830

*Две-три весны, младенцем, может быть,
Я счастлив был, не понимая счастья;
Они прошли, но можно ль их забыть.*

1817

Вынесенное в первый эпиграф неоконченное стихотворение Пушкина представляет собой неповторимое по отточенности и глубине, верное для каждого и всех поэтическое выражение любви к родине и роду отцов и дедов. В черновике, или точнее, варианте второй строфы, существует еще особо важное дополнение к этим стихам, развивающее их главную мысль:

*На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.*

Иначе говоря: без родины и предков нет личности, нет человека. Чтобы лучше понять Пушкина, нужно знать, кто были его предки, как рос и как воспитывался будущий великий поэт. Речь идет о Пушкине не только в общем плане – как о высшем воплощении национальных духовных сил, но и просто об Александре Сергеевиче Пушкине, родившемся в древней русской столице и вступившем на землю вместе с поразительным в своем разнообразии и блеске XIX столетием. Тогда для читателя из отвлеченной и далекой станет буквальной и близкой строка о родном пепелище: это Москва, сожженная во время Отечественной войны 1812 года и возрожденная новой и во многом иной, чем прежде.

Черный дым московского пожара скрыл от потомков живые приметы и подробности детских лет любимого сына России. 4–5 сентября 1812 года Немецкая слобода – одно из самых пушкинских мест в Москве – полыхала огнем. В старых мемуарах говорится: «В числе ужасных обстоятельств сего пожара наипаче поражало несчастное положение жителей Немецкой слободы. Будучи из места в место преследуемы пламенем, они были принуждены укрыться в кладбищах, состоящих близ военного госпиталя. Воззрение на сих несчастных среди могил и при свете пламени представля-

ло их наблюдателю сего великого злключения столькими страшилищами, вышедшими из своих гробов!» Казалось бы, «рок отъял» самую память о детстве поэта. Но нет – немало и осталось в памяти самого Пушкина, его близких. Но еще больше – в благодарной памяти потомков, собравших воедино не очень многочисленные и подчас противоречивые свидетельства о жизни семьи Пушкиных в Москве в 1799–1811 гг. Пушкинисты разных поколений, уподобясь археологам и не жалея усилий, стремились отыскать все, что сохранилось от пушкинской Москвы. Ошибок и ложных гипотез было предостаточно, но и находки и удачные заключения встречались нередко.

Может быть, несколько в тени остались отношения в семье Пушкиных. Вернее сказать, чаще всего они рассматривались односторонне.

Взглянем на второй эпитаф, твердо помня, что у Пушкина нет случайных строк. Конечно, здесь легко читается мысль о младенческом непонимании горестей бытия, но видится и иное: воспоминание о коротком детском ощущении полного счастья. Расхожая точка зрения, закрепленные стереотипы оценок, «легенды пушкинизма», как их иногда называют, – одна из реальностей литературы о Пушкине. Давно существует в сознании всех нас, не вовсе лишенное оснований, но все же одностороннее представление о том, что у Пушкина было трудное детство: мать взбалмошна и эгоистична, отец слабovolен, скуп и полон любви к самому себе,

дом в хаосе и небрежении. Все это восходит к отдельным, вырванным из контекста фактам, дошедшим до нас воспоминаниям сестры поэта и даже отчасти к пушкинским собственным оценкам. Но всегда ли дети, даже гениальные, объективно судят своих родителей? Кстати, и немногие известные нам слова Пушкина о матери и отце далеко не однозначно отрицательные, а поступки по отношению к ним подчас и вовсе сыновне-благодарные...

Родителям Александра Сергеевича; отношениям в семье; жизни старших Пушкиных в разные годы; встречах их с сыном-поэтом посвящен документальный очерк, предпосланный первой главе. В нем мы выходим далеко за рамки детства Пушкина, но показалось уместным для начала показать жизнь поэта (пусть неполно и фрагментарно), увиденную глазами его родителей.

В документальном монтаже, который следует за очерком, собраны высказывания и воспоминания Пушкина (поэтические, прозаические, публицистические, эпистолярные) о своих «корнях» и предках, детских впечатлениях, проблемах воспитания и т. д. Все это позволяет, на наш взгляд, достаточно убедительно опровергнуть довольно частые высказывания о том, что Пушкин мало помнил и не любил вспоминать долинейское детство. Скорее напротив, он постоянно возвращался к тем годам. Некоторые стихи его звучат как мемуарные свидетельства о детстве. Здесь же помещаем свидетельства отца поэта, С. Л. Пушкина, о жизни сына и его

(С. Л. Пушкина) интерпретацию семейных событий. В мемуарной части подборки – в целом абсолютно достоверные свидетельства сестры поэта Ольги Сергеевны и не столь точные, но донесшие до нас многие важные детали воспоминания А. Ю. Пушкина и М. Н. Макарова.

«РОДНЫЕ ЛЮДИ ВОТ КАКИЕ...»

В начале 1837 года Сергей Львович Пушкин получил наследство, горше которого не бывает на земле. После погибшего сына достались ему 200 душ крепостных в деревне Кистеневка – те самые, что перед женитьбой Александра Сергеевича отец передал ему в «вечное и потомственное владение». Тогда (26 марта 1831 г.) Пушкин писал Плетневу: «О своих меркантильных обстоятельствах скажу тебе, что благодаря отца моего, который дал мне способ получить 38.000 р., я женился и обзавелся кой-как хозяйством, не входя в частные долги». Когда передавалась Пушкину Кистеневка, в официальном акте предусматривалась возможная кончина дарителя, но отнюдь не одариваемого: «Он, сын мой, до смерти моей волен с того имения получать доходы и употреблять их в свою пользу, также и заложить его в казенное место или партикулярным лицам; продать же его или иным образом перевести в постороннее владение, то сие при жизни моей ему воспрещено, после же смерти моей волен он то имение продать, подарить». И вот теперь этот по-

дарок – освобожденные от долгов кистеневские души возвращались старику-отцу...²

Е. А. Баратынский был у Сергея Львовича в Москве в тот самый час, когда отцу принесли известие о гибели сына-поэта. «Он, как безумный, долго не хотел верить, – рассказывал Баратынский. – Наконец на общие весьма неубедительные увещания сказал: „Мне остается одно – молить бога не отнять у меня памяти, чтоб я его не забыл“. Это было произнесено с раздирающей ласковостью». Кто знает, не упрекнул ли себя в чем-либо в этот день осиротевший и одинокий Сергей Львович Пушкин (жена умерла меньше года тому, дочь жила в Варшаве, младший сын воевал на Кавказе, ежеминутно подвергаясь опасности)?

Право, когда читаешь его письма той поры, кажется, что отец понял не только, кого потерял, но и *кем был* его старший сын. 22 апреля 1837 г. С. Л. Пушкин отвечал князю П. А. Вяземскому из Москвы в Петербург: «Благодарю вас за портреты несчастного моего Александра, доставленные мне третьего дня вашим управляющим. Признаюсь, я еще не взглянул на портрет, рисованный Бруни; у меня не достает на то духу и, вероятно, никогда не достанет. И это не потому, что я боялся возобновить мою скорбь; ужасная потеря, мною понесенная, дает мне знать себя теперь еще сильнее (если это только возможно), нежели в то время, когда я по-

² Пушкин заложил кистеневские души в Опекунском совете и получил деньги наличными.

лучил о ней страшное известие.

Время не ослабляет, а только усиливает мою горесть: с каждым днем моя тоска становится резче и мое уединение чувствительнее. В мои лета одно утешение – это надежда скоро соединиться с теми, кого я лишился в короткий десятимесячный срок. Насильственная смерть сына, подобного моему, не принадлежит к категории несчастий, присущих нашему существованию: оно превосходит все, что я мог ожидать. После смерти моей прекрасной жены, которая была моим ангелом-хранителем, я мог лишь ожидать конца моей грустной жизни, и вдруг это несчастное событие довершает меру моих страданий и исчерпывает все мои моральные силы... Прощайте, дражайший и любезнейший князь Петр Андреевич. Позвольте мне обнять вас как искреннего друга моего Александра. Не забывайте меня. Участие, принимаемое во мне людьми, которые любили его, дает мне еще некоторые силы для того, чтобы жить и страдать».

История с портретами, на которые отец боялся взглянуть, дополняется рассказом современника о том, как у одного знакомого Сергей Львович увидел бюст Александра Сергеевича: «Отец встал, подошел к нему, обнял и зарыдал... Это не была аффектация, это было искреннее чувство его». 20 апреля 1837 г. Сергей Львович писал другу покойного сына Николаю Раевскому: «Ничего так не желаю, как съездить поклониться его могиле и могиле моей жены, рядом с которой он пожелал быть погребенным. Это в Псковской губер-

нии в трех верстах от деревни, где он провел два года и которую он очень любил. Прощайте, дорогой генерал, позвольте мне эту фамильярность, вы дороги мне и вечно будете дороги – и по множеству причин».

Сперва в рукописи, а потом в журнале «Современник» отец поэта получил обращенное к нему и ко всем, кому тогда были дороги честь и достоинство России, равно как и к нам, потомкам, письмо Жуковского о смерти Пушкина (этим документом закончится наш сборник). Здесь приведем строки из письма Пушкина-старшего Вяземскому от 2 августа 1837 г.: «Я видел *Современника*, не в силах был и дочитать письма Василия Андреевича. Когда я получил оригинальное, я собрался с силами прочесть его, после того не мог до него дотрагиваться. Я приехал сюда (в Москву. – В. К.) единственно для свидания с неоцененным Жуковским. Добрый Жуковский! Как он обнимал меня! Мне очень грустно, очень тяжело – что будет со мною? Истинно, не знаю, кажется, буду и в Петербурге, увижу и обниму вас, любезнейший. Я провел десять дней у Натальи Николаевны (в Полотняном заводе. – В. К.). Нужды нет описывать вам наше свидание. Я простился с нею, как с дочерью любимой, без надежды ее еще увидеть или, лучше сказать, в неизвестности, когда и где я ее еще увижу. Дети – ангелы совершенные; с ними я проводил утро, день с нею семейно. Теперь я один и в трактире, что я ненавижу; сердце почти непрерывно стеснено и одно утешение, что по моим летам состояние сие продолжится

не может. <...> Вспоминая об Александре, не забывайте меня. Сохраните ко мне участие, мне столь драгоценное...»

Последняя просьба обращена и к нам, людям последующих поколений, для которых важна каждая подробность жизни Пушкина и близких ему людей. Многое можно простить отцу, знакомясь со всеми этими документами. Но потомство, определенным образом настроенное мемуаристами, не склонно прощать. Вот и кочуют из книги в книгу несколько одних и тех же нелестных фраз о Сергее Львовиче. Между тем, ведь не зря говорят артисты: играешь злодея, ищи, где он добрый. А Сергей Львович и не злодей во все и своему великому сыну сделал немало доброго, особенно в детстве.

* * *

Как водилось в дворянских семьях, семилетнего Сергея Пушкина (родился он в 1770 г.) записали сержантом в лейб-гвардии Измайловский полк. Пока он резвился в отцовском имении и в саду московской усадьбы, служба шла.

Рос он и воспитывался вместе со старшим братом, будущим поэтом Василием Львовичем. Последний вспоминал об этом в стихах (1797 г.):

*Ты помнишь, как, бывало,
Текли часы для нас?*

*Природой восхищаясь,
Гуляли мы с тобой?
Или полезным чтеньем
Свой просвещали ум;
Или творцу Вселенной
На лирах пели гимн...
Поэзия святая!
Мы с самых юных лет
Тобою занимались;
Ты услаждала нас...
Или в семействе нашем,
Где царствует любовь,
Играли мы как дети
В невинности сердец.*

Если о детстве Александра Сергеевича существует до обидного мало прямых свидетельств, то о юных годах его отца и подавно. Так что стоит прислушаться к поэтическим мемуарам Василия Львовича. Святая поэзия услаждала душу братьев Пушкиных, «полезным чтеньем» (французской литературой XVIII в. и русской, новой по тому времени) они свой просвещали ум. Где-то здесь станет «горячо», когда потомки попытаются найти истоки первых впечатлений Александра Сергеевича.

В 1791 г. С. Л. Пушкин переехал в Петербург, где вступил в реальную службу – прапорщиком. В 1797 г. капитан-поручик лейб-гвардии Егерского батальона Сергей Пушкин ушел в отставку со службы военной и, возвратившись в Москву,

впоследствии перешел в статскую: в Комиссариатскую часть.

В 1795 г. братья Сергей и Василий и матушка их Ольга Васильевна получили немалое наследство – 2114 душ в селе Болдино Лукояновского уезда Нижегородской губернии. Теперь можно подумать было и об отставке, и о женитьбе, и о житье своим домом в Москве. Так и поступили по старшинству – сперва Василий, потом Сергей.

* * *

Вот у кого, правда, было нелегкое детство – у матери Пушкина Надежды Осиповны. В 1773 г. один из сыновей «царского арапа» Абрама Ганнибала Осип (Януарий) Абрамович в Липецке сочетался браком с дочерью тамбовского воеводы Алексея Пушкина Марьей. В 1775 г. родилась у них единственная дочь Надежда Осиповна (брат ее умер в младенчестве). Но мир в семействе Ганнибала был нарушен, когда дочери исполнился всего-то годик. В 1776 г. дед Пушкина покинул жену и забрал с собой дочь, поручив ее опекунству приятеля. Скоро он от живой первой жены тайно обвенчался со второю, чем навлек на себя, Марию Алексеевну, Надежду Осиповну и всех родных неисчислимые хлопоты и неприятности. Правда, дочь вскоре возвратили матери, но Мария Алексеевна жила в постоянном страхе: как бы отец не похитил дочь или не востребовал к себе. Поселились они сперва в Тамбовской губернии, у деда, но тот умер, а имение Марии

Алексеевне не досталось; перебрались в Москву к дядюшке, а оттуда в Петербург. Все это потом отразилось в образе жизни Пушкиных – в необъяснимом, казалось бы, метании по Москве: охота к перемене мест была сильнее самой Надежды Осиповны (теперь уже насчитывают не менее 12 адресов пушкинского московского детства). Мария Алексеевна горячо любила нелегко доставшуюся ей дочь и баловала как могла. Всюду, как потом для детей Пушкиных, нанимались для Надин учителя, шились, едва ли не из последних сил, наряды, вывозила ее мать на балы и вечера. Но недостатка серьезного не было, не говоря уже о роскоши: наследственную деревеньку пришлось продать за долги мужа. Жили они на средства, по суду вытребованные от Осипа Абрамовича. Четвертая часть его имения была отдана в ведомство опеки, «дабы она употреблена была в пользу и на содержание малолетней Осипа Ганнибала дочери». Брат отца Петр Ганнибал и брат матери Михаил Пушкин были назначены опекунами Надежды Ганнибал. Опека вела дело толково: Мария Алексеевна получила даже возможность купить дом в Петербурге, в Преображенском полку. На лето ездили неподалеку – в Кобрино, отсуженное у мужа.

Выросла Надежда Осиповна красавицей. Она была остроумна, свободно изъяснялась по-французски и по-русски, много читала и оживляла собою светское общество, где прозвали ее прекрасною креолкою – с намеком на необычное происхождение. В Петербурге познакомился с нею дальний

родственник, молодой офицер, так и сыпавший французскими каламбурами, Сергей Львович Пушкин. Брак их был заключен по взаимному чувству, без примеси каких-либо расчетов – 28 сентября 1796 г. в церкви на мызе Суйда венчались «Лейб гвардии Измайловскаго полку порутчик отрок Сергей Львович сын Пушкин, артиллерии морской 2-го ранга капитана Осифа Абрамовича Генибала з дочерью его девицей Надеждой Осиповой, оба первым браком».³⁴

Как поженились, сразу же засобирались в Москву. Сергей Львович опасался, что, не испроси он отставку, не миновать дальних военных походов и разлуки с горячо любимой женой. Мария Алексеевна продала свой петербургский дом и поехала вслед за дочерью и зятем. Современница вспоминала об их московском житье-бытье: «Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведывала больше старуха Ганнибал, очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела дом вести как следует, и она также больше занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила...» Словом, получается более или менее нормальный семейный дворянский уклад и отношения в се-

³ Креолами называли потомков испанских, португальских и французских колонизаторов – выходцев из латиноамериканских колоний; позже – людей смешанного происхождения от двух рас.

⁴ Н. О. Ганнибал приходилась С. Л. Пушкину *двоюродной* племянницей. Иногда пушкинисты называют мать поэта *внучатной* племянницей его отца, что также верно (об этих терминах родства см. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I, с. 116; т. III, с. 124. М., 1955).

мье тоже обычные. А образованность даже необычно высокая. Первый биограф Пушкина, П. В. Анненков, рассказывает об отце и дяде поэта: «Никто больше их не ревновал и не хлопотал о русской образованности, под которой они разумели много разнообразных предметов: сближение с аристократическими кругами нашего общества и подделку под их образ жизни, составление важных связей, перенятие последних парижских мод, поддержку литературных знакомств и добывание через их посредство слухов и новинок для неумолкаемых бесед, для умножения шума и говора столицы». «Шум и говор» вокруг маленького Пушкина не прошли бесследно и отзывались в свое время так глубоко, как и помыслить не могли шумевшие и говорившие.

В характеристике Анненкова заметна некоторая ирония, но все же не так далеки были братья Пушкины и от забот отечественной литературы: Василий Львович поэт несомненный – некоторые его стихи и сегодня не умерли. Сергей Львович – версификатор не без способностей. Приведем пример его русского стихотворчества (было и французское). Стихи относятся к 1833 г. – времени относительного благополучия в семье (правда, не материального). Сергей Львович оплакивает пса Руслана:

*Лежит здесь Руслан – мой друг, мой верный пес,
Был честности для всех решительным примером.
Жил только для меня, со смертью же унес
Все чувства добрые: он не был лицемером,*

*Ни воров, пьяницей, развратным тож гулякой.
И что ж мудреного: был только он собакой.*

Совсем не плохо для безвестного в литературе отца великого поэта, не правда ли?

Биографы Пушкина не устают упрекать родителей поэта в том, что они мало занимались детьми, передоверяя их нянькам и наемным учителям. Но, во-первых, нет худа без добра – начатки русского воспитания, воспринятые Пушкиным от бабушки и няни Арины Родионовны, как мы знаем, были неслыханно потом развиты. Во-вторых, не так уж и передоверяли: Мольера Сергей Львович детям читывал, из библиотеки своей не только их не изгонял, но всячески к ней приохочивал, к гостям выводил (а среди них писатели Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, директор Московского университета И. П. Тургенев), в гости с собою возил – например, к родственникам Бутурлиным, образованнейшему московскому семейству. Наконец, в-третьих, таков был принятый уклад московской семьи, принадлежащей к определенной социальной группе. Не забудем, что из московского дворянства вышли многие герои войны 1812 года, декабристы, славные писатели, ученые, художники. Вот и выходит, что пишущие о Пушкиных-старших иной раз явно перегибают палку, возводят на них напраслину, как сделал, например, В. В. Вересаев (вслед за М. И. Семевским) в книге «Родственники Пушкина»: «К детям своим Сергей Львович был глубоко-

ко равнодушен. При малейшей жалобе гувернантки или гувернера он сердился, выходил из себя, но гнев его проистекал только из врожденного равнодушия ко всему, что нарушало его спокойствие».

На самом деле все не так. Сергей Львович был не равнодушен к детям и к дому – он был слабохарактерен. И только! Побеждать в спорах и бороться с неурядицами не умел. Жалоб и ссор боялся. Легко пускался в ложную риторику или впадал в слезливый тон. Властная и сильная Надежда Осиповна уместно дополняла доброго, но не стойкого в решениях, склонного к сентиментальным излияниям супруга. Детей они любили и горестно пережили раннюю смерть пятерых из них. Но вот Александра Сергеевича в детстве, да и в молодых его годах, совершенно не поняли, упорно стремясь применять к нему обычные мерки и останавливаясь перед глухой стеной ответного равнодушия.

Кстати сказать, Сергею Львовичу и недосуг было как следует заняться детьми. И вовсе не из-за светских развлечений. Спустя пять лет после переезда в Москву он вступил в статскую службу. 9 января 1802 г. Военной коллегии был объявлен именной указ Александра I: «Государь император по представлению генерал-интенданта армии князя Волконского указать соизволил отставных майора Богомолова, коллежского асессора Пушкина и гвардии поручика Цедельмана определить в штат комиссариатской». Сергею Львовичу в 1802 г. был присвоен чин комиссионера 8-го класса, а в

1804 г. – 7-го класса. Определен он был в комиссию Московского комиссариатского депо «для разных поручений». Комиссия, между прочим, заседала все дни недели, с понедельника по субботу, с 8 утра до 3 дня. И, за исключением нескольких отпусков, на всех заседаниях значится присутствующим С. Л. Пушкин. Впоследствии «разные поручения» сменились ответственностью «по денежному отделению бухгалтерии о деньгах и по казначейству в производстве дел». 28 июля 1811 г. отец Пушкина был удостоен ордена св. Владимира 4-й степени; 25 июня 1812 г. ему был объявлен высочайший указ о производстве его в чин военного советника. Во время войны, вынужденный уехать с семьей из Москвы перед падением города и пожаром, С. Л. Пушкин был членом Нижегородской комиссариатской комиссии. Наконец, в 1814 г. он был направлен на должность начальника комиссариатской комиссии резервной армии в Варшаве. Это была единственная его долгая разлука с Надеждой Осиповной. Оба они вспоминали потом 1814 год как тяжелое жизненное испытание. Опубликовавший данные из послужного списка С. Л. Пушкина неутомимый исследователь всех обстоятельств московской жизни Пушкиных С. К. Романюк не без резона замечает: все это «право же, не слишком согласуется со ставшим уже традиционным представлением о нем как о легкомысленном жуире и бонвиване».⁵

Весьма любопытен еще один документ, введенный в науч-

⁵ См. Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982, с. 5–15.

ный оборот С. К. Романюком. 14 июля 1811 г. Сергей Львович подал рапорт «Господину генерал Криге комиссару и кавалеру Татищеву»: «Член сей комиссии господин 7-го класса Пушкин просит Комиссию об увольнении в Санкт-Петербург сроком на двадцать восемь дней, о чем вашему превосходительству Комиссия имеет честь представить и просит на сие предписания». 17 июля предписание было получено. Хорошо известно, что в период между 16 и 20 июля дядюшка Василий Львович повез племянника Александра в Петербург для определения в Царскосельский Лицей. Из приведенного документа следует, что Сергей Львович собирался ехать с сыном сам. Почему это не вышло, пока не ясно. Может быть, он занемог?..

В 1805 г. у Пушкиных и своя подмосковная появилась: «обменяли» Кобринно близ Петербурга на Захарово в 40 верстах от Москвы. Равнинная русская местность, с темною зеленью елового леса и печальными ветвями берез, старинный барский дом с флигелями и службами на берегу пруда, окруженного вековыми липами, – таков был общий характер Захарова, первой деревни, узнанной Пушкиным в жизни. С 1806–1807 гг. до 1811 г. Пушкины проводили в Захарове лето, а по некоторым предположениям, и часть зимы. Александр Сергеевич полюбил свое первое сельское обиталище и сохранил навсегда воспоминание о нем в сердце и стихах (№ 16). Упомянуто Захарово и в «Борисе Годунове». Парк в Захарове был большой, густой, смешанных пород, много

старых больших деревьев. Липовая аллея вела к высокому берегу Москвы-реки. А еще в двух верстах – село Вяземы, вотчина Бориса Годунова, которую облюбовал как свой загородный дворец Дмитрий Самозванец. Один из биографов вспоминает, что Захарово (Захарьино) «деревня была богатая, в ней раздавались русские песни, устраивались праздники и хороводы, и, стало быть, Пушкин имел возможность принять народные впечатления». Природа, история и «народные впечатления» слились в Захарове воедино – словно для того, чтобы обрести бессмертие под пером Пушкина. В июле 1830 г. Пушкин посетил Захарово, прощаясь с далеким уже детством. Это даже вызвало удивленную реплику Надежды Осиповны в письме к дочери: «Вообрази, он совершил этим летом сентиментальное путешествие в Захарово, совершенно один, единственно, чтобы увидеть место, где он провел несколько лет своего детства».

В целом, если говорить о детских отношениях Пушкина с отцом и матерью, то, видимо, прав был П. В. Анненков, когда заметил: «Характер второго их ребенка Александра <...> так мало был похож на все, чего они могли ожидать от своего семейства, что весьма скоро сделался для них загадкой. Из соединения двух разнородных фамилий и двух противоположных нравственных типов возникла натура до того своеобразная, независимая, уступчивая и энергичная в одно время, что она сперва изумила, а потом и ужаснула своих родителей». Не представляется столь же бесспорным другое

утверждение Анненкова: «При воспитании подобной натуры не только не было употреблено в дело какого-либо определенного правила или обдуманной системы, но и просто-го здравого смысла». Может быть, и к лучшему, что «здравый смысл» и «обдуманная система» не затруднили развитие своеобразной натуры Пушкина. Более того, вольно или невольно родители в раннем возрасте образовали сына в тех направлениях, которые после, невиданно развившись, создали национального гения. Увы, в суматохе фактов и оценок профессионального и любительского пушкиноведения мы порой склонны забывать, что Надежда Осиповна и Сергей Львович дали России Пушкина. Как бы сложно потом ни складывались отношения Пушкина с родителями, детство чаще всего представлялось поэту в светлых тонах.

Возвратившись из Варшавы, Сергей Львович до окончательной отставки в 1817 г. служил в Петербурге, куда без него перебралась Надежда Осиповна с детьми. 31 раз он посетил старшего сына в Лицее, не скупясь на извозчика из Петербурга, дороговато стоившего. Первый раз это произошло 11 октября 1814 г. и осталось в памяти поэта («Приезд отца». – гл. 2, № 1). 15 ноября Александра навестило все семейство – родители, сестра и брат. В январе 1815 г. Сергей Львович присутствовал на переводных экзаменах на старший курс, в том числе и в тот день, когда Державин провозгласил его сына своим преемником. И в последние лицейские годы родители Пушкина то вместе, то порознь приез-

жают в Царское Село.

Первые серьезные трещины между старшим сыном и родителями пролегли, когда молодой человек был выпущен из Лицея, а жалованье ему назначенное – 700 рублей в год – не покрывало даже первейших нужд. Тут уж Сергей Львович, к пожилым годам утративший даже показную щедрость, повел себя немудро, а в глазах Александра Сергеевича оскорбительно. Даже на извозчика теперь он не позволял сыну тратиться; в ответ на просьбу купить бальные башмаки предложил свои старые – павловских времен. Вообще говоря, это был самый долгий (конечно, после московского детства) период жизни Александра Сергеевича под одной крышей с родителями. Жизнь оказалась трудной для обеих «заинтересованных сторон». Не слишком доброжелательный к Пушкину, но острый наблюдатель М. А. Корф вспоминал: «Дом их всегда был наизнанку: в одной комнате богатая старинная мебель, в другой – пустые стены или соломенный стул; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня с баснословной неопрятностью; ветхие рыдваны с тощими клячами и вечный недостаток во всем, начиная от денег и до последнего стакана». Да и сам образ жизни сына в то время заставлял нервничать Сергея Львовича. Как уж он, с его литературным вкусом, с его готовностью «петь с чужого голоса» – а голоса-то были Державина, Жуковского, Батюшкова – не разглядел, кто перед ним, трудно теперь понять. Осудить легче. Когда сыну грозили в 1820 г. большие неприятности,

вплоть до ссылки в Соловки, Сергей Львович всполошился не на шутку. Он обратился к старым друзьям, и «капля его меду» есть в том, что исход получился относительно благополучным. Однако трудно отделаться от мысли, что, снарядив сына в дорогу, старшие Пушкины вздохнули с облегчением: без него им стало спокойнее.

В письмах Пушкина из ссылки родители упоминаются в основном «в видах материальных»: ему в самом деле жилось не сладко, а Сергей Львович раскошеливаться не спешил. Разве только что после отъезда поэта переслал ему тысячу рублей, им же, Пушкиным, заработанную за «Руслана и Людмилу», да еще пятьсот с оказией.

В феврале 1822 г. по поручению Пушкина с его родными в Петербурге встретился кишиневский приятель поэта Иван Петрович Липранди. В его мемуарах есть несколько строк об этой встрече: «Отец показался мне со всеми манерами старого маркиза. Отец и сын в это посещение (С. Л. и Л. С. Пушкины зашли к Липранди в гостиницу. – *В. К.*) более всего высказывали опасение насчет вспыльчивости Александра Сергеевича, до них дошли слухи о его столкновениях; и это их очень огорчало; мне показалось даже, что у старика навернулись слезы. Узнав, что я выезжаю обратно через неделю, старик пригласил меня через два дня отобедать у них». Дома у Пушкиных Липранди приняли ласково (поговорить с ним пришли и некоторые друзья поэта) и передали пакет с письмами, деньгами (500 рублей) и тетрадью, которую про-

сил прислать ссыльный поэт. Видимо, Липранди обрисовал положение Александра черной краской, потому что 4 сентября 1822 г. Пушкин писал брату: «Отцу пришла блестящая мысль прислать мне платье: напомни ему об этом». Во всяком случае, как видно, Сергей Львович был вовсе не чужд благих мыслей.

В Одессе Пушкину в денежных делах легче не стало. «Изъясни отцу моему, – просил он брата 25 августа 1823 г., – что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти; хоть я знаю закон божий и 4 первые правила – но служу и не по своей воле – и в отставку идти невозможно. – Все и все меня обманывают – на кого же, кажется, надеяться, если не на ближних и родных». Насчет ремесла – камушек в огород М. С. Воронцова, любителя столярной работы, остальное в письме – реалистическое описание материальных нужд поэта. Сергей Львович хоть и представлял себе положение сына, но мало чем мог и хотел помочь. Он всегда трудно расставался с деньгами. П. А. Вяземский рассказывал: «Сергей Львович был в своем роде нежный отец, но нежность его черствела в виду выдачи денег. Вообще он был очень скуп и на себя, и на своих домашних». К тому же наличных денег, чтобы послать сыну, у Сергея Львовича почти никогда и не было. Со слов С. А. Соболевского, близко знавшего все семейство Пушкиных, П. И. Бартенев записал: «Сергей Львович по своему характеру и вос-

питанию не мог заниматься хозяйством, получал мало доходов с своих, впрочем значительных, имений и попеременно то мотая, то скупясь, никогда не умел сводить концы с концами». Это, вероятно, еще точнее, чем оценка Вяземского. Сергей Львович вполне мог и «тряхнуть карманом», показывая свою щедрость, особенно на людях. В прежние годы и дорогие дома нанимались с роскошной мебелью, и обеды закатывались не дешево. Со временем все это отошло, и Пушкины-старшие оторвались от «большого света».

Внезапный приезд Александра из Одессы в Михайловское обрадовал Сергея Львовича только в первые часы. Но узнав, что сын уволен в отставку, сослан в родительское имение, да еще под двойной надзор – полицейский и духовный, да еще за проповедь безбожия, Сергей Львович испугался до полусмерти. Он вообразил, что следующей мерой правительства будет не иначе как его собственная ссылка куда-нибудь в Кемь. Тут он и допустил непоправимую ошибку, согласившись было следить за сыном от имени властей. Когда, напыжившись, отец попытался осуществить свое «право надзора» и вмешался в отношения Пушкина с сестрой и братом, горячо его любившими, Александр, в свою очередь, пришел в неистовство. Нетрудно представить, к чему это привело (см. гл. 8, № 11). Разлад оказался долгим. Сообщим здесь читателю письмо Сергея Львовича брату Василию, связанное с этой ссорой (письмо послано в октябре 1826 г., когда Пушкин был уже в Москве): «Нет, доб-

рый друг, не думай, что Александр Сергеевич почувствует когда-нибудь свою неправоту. Если он мог в минуту своего благополучия и когда он не мог не знать, что я делал шаги к тому, чтобы получить для него милость, отречься от меня и клеветать на меня, то как предполагать, что когда-нибудь он снова вернется ко мне? Не забудь, что в течение двух лет он питает свою ненависть, которую ни мое молчание, ни то, что я предпринимал для смягчения его участи изгнания, не могли уменьшить. Он совершенно убежден в том, что просить прощения должен я у него, но прибавляет, что если бы я решил это сделать, то он скорее выпрыгнул бы в окно, чем дал бы мне это прощение <...> Я еще ни минуты не переставал воссылать мольбы о его счастье, и, как повелевает евангелие, я люблю в нем моего врага и прощаю его, если не как отец – так как он от меня отрекается, – то как христианин, но я не хочу, чтобы он знал об этом: он припишет это моей слабости или лицемерию, ибо те принципы забвения обид, которыми мы обязаны религии, ему совершенно чужды». О том же писал он и мужу сестры М. М. Сонцову:

«Мое положение ужасно, и горести, которых я для себя ожидаю, неисчислимы, но моя покорность провидению и мое упование на бога остаются при мне. Я прошу его всякий день о том, чтобы он подкрепил меня в принятом мною решении – не мстить за себя и переносить все. Мне очень хотелось бы надеяться, что Александр Сергеевич устанет, наконец, преследовать человека, который хранит мол-

чание и просит только о том, чтобы его забыли. Более всего в его поведении вызывает удивление то, что, как он меня ни оскорбляет и ни разбивает наши сердечные отношения, он предполагает вернуться в нашу деревню и, конечно, пользоваться всем тем, чем он пользовался раньше, когда он не имел возможности оттуда выезжать. Как примирить это с его манерой говорить обо мне, — ибо не может ведь он не знать, что это мне известно!

Александр Тургенев и Жуковский, чтобы утешить меня, говорили мне, что я должен стать выше того, что он про меня говорил, что это он делал из подражания лорду Байрону, на которого он хочет походить: Байрон-де ненавидел свою жену и всюду скверно о ней говорил, а Александр Сергеевич выбрал меня своей жертвой. Но все эти рассуждения не утешительны для отца, — если я еще могу называть себя так. В конце концов повторяю еще раз: пусть он будет счастлив, но пусть оставит меня в покое».

Не надо принимать эти письма абсолютно всерьез, риторика и влияние литературы всегда отличали слог Сергея Львовича. Разумеется, он рассчитывал на то, что дядя в Москве покажет письмо племяннику, и сердце сына дрогнет. Друзья, прежде всего Дельвиг, не теряли надежды примирить Пушкина с родителями (между прочим, Надежда Осиповна молчала, хотя, со своей стороны, пыталась вызволить Александра из ссылки. См. гл. 8, № 45). Добрый Дельвиг писал освобожденному Пушкину 15 сентября 1826 г.:

«Поздравляем тебя, милый Пушкин, с переменой судьбы твоей. У нас даже люди прыгают от радости. Я с братом Львом развез прекрасную весть по всему Петербургу. <...> Как счастлива семья твоя, ты не можешь представить. Особливо мать, она на верху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмутишь их счастья упорным молчанием. Ты напишешь им. Они доказали тебе любовь свою». Весной 1827 г., с приездом Пушкина в Петербург, примирение состоялось. Конечно, дело не столько в посредничестве Дельвига, сколько в мудрости Пушкина: с этого момента он стал снисходительнее к родителям.⁶

В ноябре 1827 г. Вяземский, правда, счел нужным еще чуть-чуть «подогреть» сыновние чувства Пушкина: «Часто ли обедаешь дома, то есть в недрах Авраама? Сделай милость, обедай чаще. Сергей Львович, видно, в брата хлебосол и любит кормить. Родительскую хлеб-солью надобно дорожить. Извини мне, что даю тебе совет, но ты знаешь, как я люблю тебя». Пушкин внял совету и обедал у них время от времени, что вызвало даже известную шутку Дельвига (боже упаси, чтоб не дошла до ушей Сергея Львовича!):

*Друг Пушкин, хочешь ли отведать
Дурного масла, яиц гнилых?
Так приходи со мной обедать
Сегодня у твоих родных.*

⁶ Т. е. слуги. – В. К.

14 июня 1827 г. Дельвиг сообщал П. А. Осиповой: «Александр меня утешил и помирил с собой. Он явился таким добрым сыном, как я и не ожидал». Но неформальной душевной близости все же не получалось и в более поздние времена. Вяземский вспоминал: «Александр Пушкин был во многих отношениях внимательный и почтительный сын. Он готов был даже на некоторые самопожертвования для родителей своих; но не в его натуре было быть хорошим семьянином: домашний очаг не привлекал и не удерживал его. Он во время разлуки редко писал к родителям; редко и бывал у них, когда жил с ними в одном городе. «Давно ли ты видел отца», – спросил его однажды NN. «Недавно». – «Да как ты понимаешь это? Может быть, ты видел его во сне?» Пушкин был очень доволен этой уверткой и, смеясь, сказал, что для успокоения совести усвоит ее себе». Само собой, все это основано скорее на общей оценке друзей, чем на конкретных впечатлениях. А они могли быть разными, порой не схожими ни с воспоминаниями Вяземского, ни со строчками «Евгения Онегина».

*Гм! гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: может быть, угодно
Теперь узнать вам от меня,
Что значит именно родные.
Родные люди вот какие:*

*Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
И так дай бог им долги дни!*

К счастью, сохранился документальный материал, который позволяет с достаточной полнотой, пусть и не исчерпывающе, представить отношения Пушкина с родителями в последние девять лет его жизни. Но, прежде чем эту хронику читателю представить, скажем о том, кому мы обязаны тщательным переводом с французского и детальным комментарием к этим документам.

У сестры Пушкина Ольги Сергеевны было двое детей – Лев Николаевич и Надежда Николаевна Павлищевы. Лев Николаевич оставил, как известно, «Семейную хронику» о дяде-поэте и семье Пушкиных-Павлищевых, во многом недостоверную, но все же основанную на рассказах матери, на семейной переписке, а значит, дающую отправные пункты для поисков и рассуждений биографов Пушкина. Оригиналы писем Л. Н. Павлищев, умерший бездетным, передал собирателю старины П. Я. Дашкову, чья коллекция хранится в Пушкинском доме. Тут-то при изучении оригиналов, кстати сказать, выплыли наружу все передержки, допущенные

автором Семейной хроники». В составе коллекции Дашкова оказались и 119 французских писем Сергея Львовича и Надежды Осиповны, обращенные к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой. Дело в том, что в 1828–1835 гг. она жила с мужем отдельно от родителей – то в Петербурге, то в Варшаве. Старики очень скучали и писали часто. Так случилось, что переводом этих писем занялась правнучка Ольги Сергеевны (по линии дочери) Лидия Леонидовна Слонимская, жена известного пушкиниста. В 1940-х годах Л. Л. Слонимская провела, без преувеличения, огромную работу по расшифровке каждого листка из «толстой сшитой пачки листочков почтовой бумаги разного формата, исписанных бисерными буквами Надежды Осиповны и довольно размашистым, изящнейшим почерком Сергея Львовича, напоминающим почерк Пушкина. Листочки эти значительно тронуты временем – пожелтели и местами прорваны, чернила выцвели, но написанное все же довольно легко поддается прочтению – и прочитано полностью, без “белых” или сомнительных мест». Правнучка сестры Пушкина не только перевела, но и тщательно прокомментировала письма, разъяснив ситуации, в них описанные, и рассказав об упомянутых людях (свыше пятисот имен!). В распоряжении переводчицы был и ряд других важных документов, в частности переписка семьи Павлищевых, широко использованная в комментариях к переводу. Свою работу Л. Л. Слонимская посвятила «памяти сына Владимира Александровича Слонимского, погиб-

шего 3 июля 1944 г. жертвой блокады Ленинграда – последнего в роде Ольги Сергеевны Пушкиной-Павлищевой». Так пушкинский XIX век сомкнулся с нашим XX веком...⁷

Теперь, когда читатель знает о замечательном труде «правнучатой племянницы» Пушкина, мы можем приступить к выборочной хронике последних лет общения поэта с родителями.

1828

В конце января 1828 г. сестра Пушкина Ольга тайно обвенчалась с Н. И. Павлищевым. Известно, что родители были против этого брака, и Александру Сергеевичу пришлось родственников мирить. Сергей Львович хоть и шумел больше всех, но скоро утих и с зятем примирился. Характер Надежды Осиповны был совсем другой: она хоть и молчала, но зятя так и не полюбила. Весной 1828 г. Н. И. Павлищев рассказывал в письме к своей матери: «... теща не любит меня, и я даже с ней не вижусь. Шурин, Александр Сергеевич, правда, потащил меня к ней на пасху, думал миро-

⁷ Л. Л. Слонимская передала машинописные экземпляры двух томов своего перевода в Пушкинский дом в Ленинграде и в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве. Копией, принадлежащей последнему, мы и пользуемся. Еще до Слонимской отрывки писем, непосредственно относящиеся к А. С. Пушкину, перевела В. Б. Враская (ЛН, т. 16–18); отрывки из переводов Слонимской – см. Пушкинский сборник, Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова, Псков, 1968; Я. Л. Левкович. По неизвестным письмам. – Звезда, 1974. № 6.

вую устроить, но дело вышло дрянь. Похристосовались и шабаш, а об ином прочем ни гугу (Павлищев подразумевает: «о деньгах» — он был куда меркантильнее стариков Пушкиных. — *В. К.*). Александру Сергеевичу это не по нутру: оный со мною в отношениях вполне хороших, но ничего с упрямой тещей не поделал. Тесть добрый малый, но у жены под пантуфлей. Ничего в нашу пользу не сделал, разумею насчет денег. Тесть скуп до крайности, вдобавок по хозяйству несведущ... Старики уехали теперь в деревню, а шурин, Александр, еще здесь. Заглядывает к нам, но или сидит букою или на жизнь жалуется: Петербург проклинает, хочет то за границу, то к брату на Кавказ».

Итак, родители уехали в Михайловское, впервые разлучась с дочерью. И переписка началась. К сожалению, из писем 1828 г. к Слонимской попало только одно — от 5 сентября, но и в нем видна атмосфера быта старших Пушкиных — в это время они при кажущейся светскости уже жили прежде всего интересами своих детей. Сергей Львович пишет: «Дорогая Олинька! <...> Вчера только после обеда воротились (из поездки в гости в Новоржев. — *В. К.*) и находимся в величайшем затруднении. Все это общество, числом 12 человек, напросилось завтра, в четверг, приехать в Михайловское. Можешь вообразить, что у нас голова идет кругом от забот об их размещении и пропитании. Они все будут вповалку, а мы переселимся в баню, которая разваливается. Но что поделать. Так они пожелали, и мы предупреди-

ли их обо всех неудобствах. <...> Судя по письму Александра, война эта становится весьма серьезной ... Поцелуй от меня Александра, на этот раз ему не отвечаю, но не замедлю того сделать. Скажи ему, что у нас будет завтра некая маленькая баронесса Н., которая восхитительно поет его цыганский романс «Жги меня» и т. д., все это семейство в восторге от его таланта, все знают его вещи наизусть, вплоть до четырехлетнего мальчугана, который пришел ко мне просить его стихов». Как правило, родители Пушкина писали к дочери вместе: основную часть письма один из них, небольшое дополнение – другой. И в данном случае есть приписка Надежды Осиповны: «Надеюсь, что это письмо застанет тебя в полном здравии. Я жду Александра с нетерпением; не имею времени написать побольше – przygotowляю на завтра, что могу, к приему всего этого общества; послезавтра мы совершим паломничество в Святые горы: с нашими гостями нас будет 14 человек, мы пойдем пешком, если погода будет такая же хорошая, как нынче. <...> Благодарю Николая Ивановича за память». ⁸⁹¹⁰

Достаточно даже этого, единственного за 1828 год письма, чтобы бросились в глаза очевидные вещи. Старики Пуш-

⁸ Читатель видит, что, хотя Пушкина не было при этом, но его описание приема гостей у Лариных в IV главе «Онегина» недалеко от письма Сергея Львовича.

⁹ Письмо Пушкина не сохранилось. Война – на Кавказе, где был в то время брат Лев Сергеевич и куда собирался поэт.

¹⁰ Баронесса Н. – Аш Н. К.; цыганский романс – песнь Земфиры. Музыка либо М. Ю. Виельгорского, либо родственника Пушкина В. П. Ганнибала.

кины любили всех троих детей, тревожились за них и ждали встречи (поездка Пушкина в Михайловское в 1828 г. так и не состоялась); Сергей Львович давно – по крайней мере в 1828 г. это было уже так – гордился сыном-поэтом, не только не отвергая его в сердце своем, но надеясь на сближение, Александр Сергеевич не забывал стариков – он нередко писал им первый и, как видим, иногда даже не получал ответа. Но пойдем далее.

1829

В этом году Пушкины-старшие жили в Петербурге до 20-х чисел июня. Ольга Сергеевна находилась на даче в Ораниенбауме. С конца июня переписка продолжалась уже из псковской деревни, откуда они не выезжали до октября. Пушкин все лето провел на Кавказе и воротился в Петербург позже родителей – в начале ноября.

Первое письмо за этот год (не датированное) – из Петербурга. Сергей Львович: «Надеюсь и молю бога, чтобы пребывание в Ораниенбауме было тебе благоприятно... Судя по твоему описанию, Ораниенбаум понравился бы мне чрезвычайно. Это совсем деревня, и местоположение его должно быть превосходно. Близость моря, наверно, восхитительна. Была ли у вас вчера гроза, как у нас? В момент, когда мама писала тебе, молния ударила в Чернышев мост. Мы все перепугались, даже Руслан, т. е. шотландский колли – (помните

стихи? – В. К.). <...> Судя по газетам, Леон в Архалаке. Не думаю, чтоб Александр добрался туда, и жду его письма с большим нетерпением».

Неизвестно, дождался ли Сергей Львович письма от старшего сына – до нас оно во всяком случае не дошло. Приведем несколько строк из письма Надежды Осиповны (тоже еще петербургского), показывающего ее характер в истинном свете: «... я скорей хочу узнать, как твоя спина? Хоть опасности нет никакой, меня огорчает, что ты страдаешь. <...> Не надо этого приписывать ни пятнице, ни разбитому зеркалу, ни тому злополучному воробью, который явился искать у тебя убежища, а твоей неосторожности, мой добрый друг» Дело в том, что сестра поэта была очень суеверна; известно, что приметы играли определенную роль и в его настроении. Как видим, это шло не от матери. 22 июня Сергей Львович вторит жене: «У нас нет вестей ни от Александра, ни от Леона. Мы не преминули бы тебе их сообщить. Да ниспошлет тебе господь свои благословенья и да будет мне дано увидеть тебя совершенно выздоровевшей. Я молю его лишь о всех вас, друзья мои, ибо ваше счастье и ваше спокойствие мне гораздо ближе, нежели мое собственное». Как ни относить излияния отца на счет его сентиментальности, но все же письма ни для кого, кроме дочери, не предназначались и заслуживают доверия.

29 июня старики добрались до Тригорского. В то лето они жили именно там: владелица Тригорского П. А. Осипова от-

существовала, а дом Пушкиных в Михайловском капитально ремонтировался. Всегдашняя суматошность и забывчивость Пушкиных проявилась уже в дороге. «Наше путешествие было вполне счастливо, — не без юмора пишет Надежда Осиповна, — исключая нескольких неприятностей: сначала мы забыли свою дорожную на третьей станции, что нас задержало на несколько часов; Маша (горничная) забыла в Петербурге мои туфли; она потеряла мои ночные чепцы; папа потерял свой лорнет, но, несмотря на все эти неприятности, я была в восторге, что нахожусь за городом и дышу свежим воздухом, и это помогло мне терпеливо перенести все докуки. <...> С нетерпением жду вестей от твоих братьев; вдали от всех вас, мои дети, письма составили бы мое утешение, и вот я лишена и этого счастья». Почта действительно ходила скверно, особенно осенью. Но Ольга Сергеевна писала очень часто, и вести от нее добирались до Тригорского. Обоим же сыновьям не всегда было до родителей...

5 июля Надежда Осиповна рассказывает: «Я много гуляю, два раза ходила пешком в Михайловское, где весь день мы провели в саду, который все разрастается и украшается, ты прямо не имеешь представления, как он хорош; дом <...> будет кончен через четыре недели, но я тому не верю, впрочем, я могу потерпеть, мне так хорошо в Тригорске; а если бы я почаще имела вести от твоих братьев и от тебя, то могла бы быть спокойна». Сергей Львович немножко брюзжит и проявляет «михайловский патриотизм», но в целом тоже

настроен благодушно: «Не знаю, так ли вы страдаете от жары, как мы, я полагаю, что на берегу моря воздух посвежее – здесь есть часы невыносимые. Это не мешает мне два раза в день ездить в Михайловское. Я никогда так не чувствовал, насколько наша деревня лучше для прогулок, нежели Тригорское, как с тех пор, что я живу в последнем. Ходить нет никакой возможности и ни в какое время дня. Везде солнце и трава, или надо взбираться на горы. Да я их и люблю, но здесь им нет конца. Надеюсь, что в нашем доме можно будет жить. Он останется почти совсем как был, не считая кое-каких лишних украшений, которые придадут ему более приятную внешность. У него была изрядно потрепанная физиономия <...> Если узнаешь что-либо о своих братьях прежде нас, поделись с нами вестью. Вероятно, до вас больше доходит новостей. Здесь я не знаю ничего, и у нас нет и обрывка какой-либо газеты».

Быть может, некоторым читателям покажутся излишними бытовые детали, приводимые нами в этих выдержках из писем. Но ведь речь идет о пушкинском времени; пушкинских местах; самых близких Пушкину людях. И потом – именно из этих мелочей возникает истинный облик родителей поэта, до известной степени разрушая стереотип, созданный и воспринятый нами всеми коллективно...

16 июля мать признается дочери: «Сердце мое всегда с тобою, во весь день я только и думаю, что о тебе и твоих братьях, мое воображение переносит меня к вам, мои дети;

но мне легче полететь мыслью в Ораниенбаум, благодаря подробностям, которые ты мне сообщаем; возле же Леона я вижу одни только опасности, тогда как он, быть может, благодушествует. Что до Александра, то не знаю, где его и искать...» Однако к этому времени первые новости о сыновьях дошли до отца: «Мой брат пишет мне из Москвы, что ему говорили, будто Александр с ним (Львом) у Раевского». Родительские тревоги, в общем, были не напрасны – оба брата находились «в горячем деле» и подвергались серьезной опасности. Но не забудем, что Пушкин уехал на Кавказ без разрешения властей и находился там под тайным, но ему-то хорошо известным надзором. Он вообще тогда почти не писал в Россию. 12 августа Сергей Львович по-прежнему питался слухами: «Все эти победы прекрасны. Я был преисполнен радостью, но теперь не думаю ни о чем и не желаю ничего, кроме строчки от Леона и Александра, и не успокоюсь, пока их не получу. Мы не греки и не римляне, как говорит где-то г-н Карамзин, кажется, в Илье Муромце, и я должен быть уверен в здоровье моих детей». ¹¹

Порою Сергей Львович сталкивался с народной славой старшего сына самым неожиданным образом. Побывали они, например, у соседей и вот что там слышали: «У барышень Тимофеевых есть нечто вроде горничной, она дочь пастуха (не Аркадского), но пастуха Опочецкого уезда, ко-

¹¹ «Мы не греки и не римляне, <...> Нам другие сказки надобны» – строки из богатырской поэмы Н. М. Карамзина «Илья Муромец».

торый пасет свиней. Ей лет 14 или 15, толстая коротышка, плечи вздернутые, спина квадратная, а физиономия дикая, как у всех девок, делающих грубую работу. Она знает наизусть почти весь *Бахчисарайский фонтан* и читает стихи Александра, жестикулируя при этом самым комическим образом. Сложенная, как я тебе говорю, она произносит отрывок из Онегина, где он говорит об Истоминой, и бьет нога об ногу, но ноги в пол-аршина в длину и столько же в ширину. Можешь вообразить, что это такое». Сергей Львович ничего не понял и грубовато посмеялся, но случай, им рассказанный, примечателен.

22 августа у Пушкиных был радостный день. Надежда Осиповна: «Наконец-то кончились мои тревоги о твоих братьях... мы только что получили письмо от Александра, список с коего тебе посылаю; я не могу расстаться с оригиналом – слишком счастлива его иметь. <...> Это барон Дельвиг переслал нам его письмо – оно преисполнило нас восторгом. Можешь вообразить, каково было наше счастье, когда мы его читали. Думаю, что никто из находившихся под Арзерумом, когда он пал, не мог испытывать большего удовлетворения». Даже погода улыбалась в те дни счастливым родителям: «Вчера было хорошо, как в разгаре лета, мы весь день с 10 часов утра до 8 провели в саду Михайловского; сегодня ветер, но не холодно; плодов у нас изобилие, зачем не могу я разделить их с тобой, мой добрый друг; вишни полезны, много у нас и белых слив – больше, чем в Тригорске». Сергей

Львович дополняет рассказ жены некоторыми подробностями, особенно для нас важными, поскольку письмо Пушкина (или письма?), о котором идет речь, не сохранилось: «Александр очень весел, и хотя Леон нам не пишет, но из содержания письма Александра ты узнаешь, что он здоров и думает приехать к нам. Итак, все мы соединимся, дорогая Олинька! <...> Увидя вас всех троих разом, я распрыгаюсь от радости. Александр, видимо, в восторге от своего путешествия. Он пишет Плетневу и дает ему подробную картину своего образа жизни в лагере. Он ездит на казацкой лошади с нагайкой в руке, а самое лучшее из всего этого – это то, что рассчитывает вскоре воротиться».

Какой малый след, выходит, оставила ссора 1824 г. в сердце родителей Пушкина! Как они его, брата и сестру ждали, любили, не теряя надежды собрать их всех под крышей обновленного дома в Михайловском! Это не сбылось. Но все они еще увидались друг с другом в Петербурге. 1 октября Надежда Осиповна уже горит нетерпением: «Тороплюсь, мой друг, послать тебе список еще с одного письма Александра, которое мы получили вчера. Как мне не терпится уехать отсюда, я думаю, твои братья будут скоро в Петербурге. Я так буду счастлива обнять вас всех троих сразу, дорогие мои дети!» Но денег на дорогу не было – болдинские доходы, пересылавшиеся через банк в Петербург, неведомо насколько задерживались.

В октябре – ноябре 1829 г. в Петербурге свиделись родители, дочь и старший сын, а к рождеству прибыл и долгожданный Лев Сергеевич. Весь 1830 год, один из самых напряженных в жизни Пушкина (см. гл. XI), родители провели рядом с дочерью. Письма понадобились только в июле, когда они «поменялись ролями» – Ольга Сергеевна жила в Михайловском, а старшие – в Петербурге. 19 июля Надежда Осиповна сообщает: «Александра еще здесь нет... он в больших хлопотах (связанных с предстоящей женитьбой. – В. К.), ожидать его надо всякую минуту». Мать угадала точно – Пушкин приехал в тот самый день, когда писалось это письмо, 22 июля Надежда Осиповна пишет дочери снова: «Александр наконец с нами – с того самого дня, как я писала тебе первое мое письмо; он приехал спустя несколько часов, как оно тебе было отослано. <...> Свадьба состоится не ранее сентября месяца, я почти не имела времени поговорить об этом с Александром. <...> Он очарован своей Натали и говорит о ней, как о божестве. Он думает приехать с ней в Петербург в октябре месяце». Далее следует уже известное читателю сообщение о сентиментальном путешествии Пушкина в Захарово. Сергей Львович, как всегда, не упускает подробностей: «Александр приехал в субботу. Он нашел меня сидящим на скамье на Невской Перспективе близ библио-

теки. Он только что сошел с коляски и пешком направлялся к нам. И вот мы, обнимаясь, жестикулируя, беседуя, рука об руку идем к нам. Мама, воротившись домой, очень была удивлена, вдруг его увидав». Не нужно слишком вглядываться в письмо, чтобы рассмотреть это гордое «рука об руку». Сергея Львовича переполняло отцовское тщеславие. Но не сродни ли оно родительской любви?.. Да и вообще в этот момент казалось, что отношения изменились навсегда: отцовская скупость дала трещину. Вспомним письмо Пушкина Плетневу 26 марта 1831 г. (гл. XII). В глазах же родителей сын становился теперь другим: остепенившимся, вставшим на ноги семейным человеком. Наконец, последнее письмо матери за 1830 год (25 июля) заканчивается словами: «Твой брат тебя целует». Похоже, что они виделись в Петербурге всякий день.

1831

В том году создались совершенно особые условия, вызвавшие новый поток писем родителей. Свирепствовала холера. С конца февраля Ольга Сергеевна жила совсем одна – Н. И. Павлищев, по ходатайству Сергея Львовича перед старыми знакомыми, получил службу в Варшаве. Надежда Осиповна и Сергей Львович были на даче в Павловске. «Мои родители, – пишет Ольга Сергеевна мужу 3 июля, – узнав про холеру, уложили пожитки, собрались и выехали отсюда менее

чем в 24 часа. Я хотела через два дня присоединиться к ним в Царском, но на другой день после их отъезда город был оцеплен со всех сторон, а карантин поставлен в Пулкове». Ольга Сергеевна попыталась переехать в Царское Село, где жили молодожены Александр Сергеевич с Натальей Николаевной, но ее и туда не выпустили.

С сыном и невесткой родители видаться могли, а с дочерью – нет. Оставалось лишь получать проколотые из предосторожности депеши. Нет худа без добра: в письмах собраны сведения об Александре Сергеевиче, снова подтверждающие весьма относительную отдаленность женатого Пушкина от родителей и опровергающие анекдот Вяземского насчет «сна».

«Вчера я провела свой день рождения у Александра, – сообщает Надежда Осиповна 22 июня, – не имея возможности принять их у нас, ибо мы перебрались лишь за сутки перед тем». Сергей Львович: «Здесь, <...> на мой взгляд, лучше, чем в Царском Селе. Не так великолепно, но куда более по-сельски. Мы окружены местами для прогулок, не только по саду, но и по лесу, который на дороге отсюда в Царское. Все это очень утешило бы меня, что я не в деревне, но тебя мне недостает. <...> Натали была бы в восторге, если бы ты была у нее и с ней, как и Александр. Я передал ему твое письмо. Он хотел тебе ответить, но сообщение с Петербургом оказалось на несколько дней прерванным».

25 июля мать пишет: «Мы видаемся с Александром и На-

тали, Царское не оцеплено, ниже Сад; но, как ни у нас, ни у твоего брата нет лошадей и найти их невозможно, то мы и не видаемся так часто, как бы хотели. <...> Александр часто делает этот конец, жена его плохой пешеход, она гуляет лишь по саду». В последнем июльском письме Надежда Осиповна снова упоминает о встречах с сыном: «Надеюсь, ты, как и я, пользуешься хорошей погодой, – я неустоима. Вчера ходила все утро, и с 5 часов после обеда и до 8 мы <...> катались в лине по парку Павловского и в Царском Селе, где ежедневно собираются слушать музыку. Там мы встретили Александра и его жену. <...> Сегодня они у нас обедают».

В том же письме Надежда Осиповна рассказывает лестную для родителей новость «Император и императрица встретили Натали с Александром, они остановились поговорить с ними и императрица сказала Натали, что она очень рада с нею познакомиться и тысячу других милых и любезных вещей. И вот она теперь принуждена, совсем того не желая, появляться при дворе». Не будем требовать от Надежды Осиповны предвидения истинного значения этой встречи и тем более ее последствий. Она искренне радуется и гордится невесткой. Иное дело Ольга Сергеевна – у нее был трезвый ум и понимание обстановки. Она писала мужу в августе того же года. «Моя невестка очаровательна; <...> все Царское ею восторгается, императрица хочет, чтобы она появилась при дворе, а она от этого в отчаянии, потому что она совсем не глупа; я не то хотела сказать: хотя она совсем не глу-

па, но она еще несколько застенчива, но это пройдет – и она поладит со двором и с императрицей». Пушкины-родители этих теневых сторон жизни поэта не видели...

Все шло хорошо, однако финансовые обстоятельства Сергея Львовича были вовсе не таковы, чтобы он мог беспечно проводить время. «Управитель осаждает меня письмами из Нижнего, – жаловался он Льву Сергеевичу, – этот господин мне поет, что распрощусь с имением, если не внесу уплату в самом скором времени в Опекунский совет». «Отец мой в весьма стесненных обстоятельствах, – подтверждает дочь, – ему затеряли, как говорит управитель, 4000 оброка, которые он ожидал». К тому времени владелец Болдина был должен казне 175 000! Но и долговые проценты платить было нечем. В другом, более позднем (1835 г.) письме Ольги Сергеевны к мужу еще более мрачная оценка материальных дел отца: «Вообрази, <...> имение Болдино описывали пять раз. <...> Можешь себе представить, в каком состоянии находится отец со своими черными мыслями, да к тому же и денег нет. Он хуже женщины; вместо того, чтобы прийти в движение, действовать, он довольствуется тем, что плачет. Не знаю, право, что делать – я отдала все, что могла, но это все равно, что ничего – из-за общих порядков дома. <...> Мой отец только и делает, что плачет, вздыхает и жалуется встречному и поперечному. Когда у него просят денег на дрова и сахар, он ударяет себя по лбу и восклицает: «Что вы ко мне приступаете? Я несчастный человек!» В 1831 г. из Болдина присла-

ли всего 3600 рублей. И на них надо было как-то крутиться. На зиму 1831–1832 гг. был снят довольно дорогой дом у Синего моста. Хозяйственное «недеяние» Сергея Львовича в самом деле не знало границ.

1832

До июля 1832 г. родители прожили вместе с дочерью в Петербурге – писем за этот период нет. Между тем Пушкиных ждало новое испытание – дочь их решила съехать вслед за мужем в Варшаву. Разлука предстояла долгая. «Отец обливает меня слезами, – писала она. – Мать твердит, что не может привыкнуть к моему решению жить с тобой... Сцен было много». Погостив недолго в Михайловском, в начале октября Ольга Сергеевна уехала. «Никогда не были мы так одиноки», – писала Надежда Осиповна 17 октября. Единственное, что их утешало: Лев Сергеевич также нес службу в Польше и оказался, как они надеялись, «под присмотром» старшей сестры. «Я очень и очень счастлив, что ты доехала благополучно, – писал отец, – квартира же твоя, судя по плану, который ты нам послала, так удобна, что я никогда не пожелал бы иметь более обширную. Странно было бы, если бы по воле случая ты жила в той, которую я занимал 18 лет назад. <...> Я вижу вас отсюда, мои дорогие дети, и как бы участвую в вашем разговоре и нахожусь втроем с тобой и Леоном. Правда, я точно присутствовал при вашей встрече, так живо

я себе ее представляю. Подробности, какие нам даешь о волокитствах Леона, заставили меня улыбнуться». Теперь они адресовали письма обоим детям вместе.

Надежда Осиповна особенно скучала по дочери: «Скоро будет день твоего рождения (20 декабря), первый, который я проведу вдали от тебя! Что делать, надо покориться этой тягостной разлуке. Да будет этот день, как и все дни твоей жизни, таким для тебя счастливым, как я того желаю. <...> Мне кажется, моя судьба всегда быть вдали от моих детей. Папа опять страдает своим кашлем, вчера он едва не задохнулся; надеюсь, что путешествие и воздух будут ему благоприятны, он привык ходить, здесь это для него невозможно с той поры, как снег до колен». И в другом письме: «... единственное для него лекарство – это получать от вас вести и писать вам – вот когда он чувствует облегчение». Тут же (9 декабря) приписка Сергея Львовича младшему сыну: «Спешу, дорогой Леон, сказать тебе, что нет ничего, что я бы не сделал, ни хлопот, ни шагов, перед которыми бы я остановился, дабы сколько для меня возможно более и скорее облегчить твои затруднения; не смею безусловно назначить сумму, какую я тебе вышлю, не зная ее сам, но можешь быть уверен, что я откажу себе во всем вплоть до самого необходимого. В настоящее время у меня деньги ровно на подставы до Москвы. Мои доходы сюда не поступают...» Намерения Сергея Львовича были искренние – он очень любил младшего сына (деньги были нужны на уплату его катастрофических дол-

гов), но сетования и жалобы мало помогали.

Оставшуюся часть зимы 1832–1833 гг. старшие Пушкины действительно провели в Москве. Сергей Львович хотел повидаться с сестрой Елизаветой Михайловной Сонцовой и ее семейством. В Москве он не был давно: даже на похороны старшего брата не попал – Василия Львовича хоронили в августе 1830 г. Александр и Лев... Поздравительное письмо от 19–20 декабря, отправленное Ольге Сергеевне уже из Москвы, полно сведений о родственниках и давних знакомых. Светская и театральная жизнь Москвы как-то привычнее для четы Пушкиных, чем петербургская. Сергей Львович рассказывает: «Позавчера был я первый раз на французском спектакле московском. Давали три водевиля и играли достаточно плохо, чтоб не сказать более». Возобновились старые знакомства. Побывал у Пушкиных гостивший в Москве лицейский товарищ Александра Иван Малиновский; узнали с грустью о кончине в Сибири своей дальней родственницы, жены декабриста Александры Григорьевны Муравьевой...

Лев Пушкин между тем в Варшаве был «выключен» из полка за дисциплинарные упущения. Сергей Львович хлопотал о его почетной отставке, новой службе, а главное – о деньгах, которые помогли бы любимцу родителей расплатиться с долгами и вырваться из Польши. Надежда Осиповна обожала Льва тем сильнее, чем больше он грешил: «я чувствую, что больше не смогу выносить твоего отсутствия,

я нуждаюсь в тебе как в воздухе, которым дышу; надеюсь на милость господню, несомненно мы еще увидимся, и, быть может, раньше, чем я думаю. Пока что пиши нам, мой добрый друг, не лишай меня этого утешения. Я только и делаю, что читаю и перечитываю твои письма». После этого объяснения в страстной материнской любви следует пассаж, резко отличающийся от предыдущего скороговоркой и даже холодностью: «Александр болен, маленькая тоже, Натали брюхата». Но ни болезнь старшего сына и малютки (которую старики еще не видели), ни новая беременность невестки не волновали родителей до такой степени, как разлука со Львом и его долги. Здесь – сильный аргумент в пользу тех, кто считает, что поэт был сыном нелюбимым. Однако отчуждение обычно бывает взаимным...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.